

**МУНИЦИПАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
КАРГАСОКСКАЯ СРЕДНЯЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА № 1
МУНИЦИПАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ДОМ ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА**

Проект

(научно-исследовательский)

«Я на земле оставлю след»

Проект выполнила:
Юсова Яна, 11 «В» класс,
КСОШ №1

Руководители:
Панфилова Марина Юрьевна,
педагог доп. образования
МБОУ КСОШ №1;
Прокопенко Евгения Игоревна,
педагог доп. образования
МБОУ ДОД ДДТ

Каргасок 2012

Введение.

*Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным,
и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу.*

Марка 4:22

До прошлого года фамилия Ольгович-Жданенко мне была неизвестна. Впервые она встретилась мне при подготовке к вечеру встречи выпускников нашей школы – 80 летний юбилей. Выпускники школы 1939 года очень тепло отзывались об этом человеке в своих письмах-воспоминаниях. Позднее в книге «Прощение и память» я прочитала статью Ольгович Светланы Игоревны «На ниве просвещения...», как позднее выяснилось, его дочери, о своем отце, который был репрессирован в 1937 году. Когда на мартовской конференции прозвучало приглашение принять участие в сентябрьской Всероссийской научно – практической конференции «Томский север: земля Каргасокская – боль и гордость России», у меня появилось желание больше узнать об Игоре Владимировиче Ольгович – Жданенко и о том времени.

Я из поколения 90-х годов, мне и моим сверстникам незнакомо чувство страха за свою жизнь и жизнь своих близких. Я не представляю, как можно расстрелять человека по ложному обвинению, но я понимаю, что это история нашей страны, нашего края. И какой бы она ни была трагической, я считаю, что необходимо знать истинную историю, чтобы в будущем не повторились эти страшные события.

Репрессии - вера в коммунизм, страх- надежда, ложь- любовь – все эти слова вмещаются в жизнь человека, о котором я хочу вам рассказать. Это время 30-х годов, когда у власти одним из главных слов было – ПЛАН. План на уборку урожая, план на заготовку леса, план на арест, план на расстрел. «В секретных приказах НКВД определялись сроки проведения отдельных операций, группы и категории населения, подлежащие «чистке», а также «лимиты» - плановые цифры арестов и расстрелов по каждому региону» (№ 3, стр. 13). В одной из стенограмм оперативного совещания НКВД 1937 года города Новосибирска говорилось: «Вы должны посадить 28 июля 11 тысяч человек... можно посадить и 20 тысяч, но с тем, чтобы из них отобрать то, что представляет наибольший интерес» (Приложение №1). Не важно, какой ты был национальности, социального положения, образования, вероисповедания и возраста. Безжалостные «жернова системы» перемалывали свой народ. Сейчас много говорится об этом времени, попробую и я.

Основная часть.

Биография.

*Как будто не было на свете,
Что осчастливит жизнь мою.
Как будто жил за все в ответе
На дальнем призрачном краю.
Геннадий Скарлыгин*

Игорь Владимирович Ольгович -
Жданенко
Каргасок 1935 год.

В книге «Боль людская» указано, что Игорь Владимирович Ольгович - Жданенко родился в городе Станислав (Польша), в 1908 году. В интервью с его дочерью, Светланой Игоревной, я узнала, что город Станислав находится на территории Западной Украины (как и многие древнерусские города, возникшие в Киевской Руси), которая в 1919 году, после Октябрьской революции, была передана Польше. В 1939 году возвращена СССР, где в 1962 году Станислав был переименован в Ивано - Франковск.

В 1926 году И. В. Ольгович – Жданенко с друзьями – единомышленниками (изучившими основы марксизма) Фёдором Дмитриевичем Кузьмичом, Денисом Казаком перешли нелегально границу Восточной Германии, так как попасть в СССР через польско-советскую границу было невозможно, а это было их целью. Задержавшим их немецким пограничникам, они сказали, что случайно заблудились в лесу и намерены вернуться домой. Их отпустили, указав дорогу, но, следуя по своему замыслу, юноши (одному из них, Фёдору, было 19 лет, двум другим - по 18) направились в советское посольство ближайшего города, где они признались, что - хотят строить социализм. Как «перебежчиков» их отправили в Ленинград. Кто и как встретил их там, неизвестно. Игорь Владимирович никогда об этом никому не рассказывал, даже любимой жене. Говорил лишь, что был арестован и сослан в Нарымский округ Западно -

Сибирского края. Там друзей расселили как можно дальше друг от друга (с. Александровское – с. Нарым – южная часть Нарымского края) (10,с.338).

С этого момента жизнь Игоря Владимировича была тесно связана с сибирским селом Нарым. Три года он учил грамоте мужчин и женщин в этом селе. После получения гражданства, в 1929 году, он смог работать по выбранной профессии, менять место жительства. Игорь Владимирович Ольгович – Жданенко на родине закончил учительскую семинарию, владел несколькими языками (украинским, русским, польским, немецким, эсперанто, возможно, знал и латинский), серьёзно занимался самообразованием. Не удивительно, что его назначили учителем начальной школы. В те годы в сельской местности были только начальные школы, вместо бывших до революции церковно-приходских.

Очередная учительская конференция (приложение 2) 1930 года изменила жизнь молодого учителя. Из Томска приехала юная учительница Муза Михайловна Новикова, окончившая школу с педагогическим уклоном, ее направили преподавать в деревню Новосельцево Парабельского района. Воспитывалась она в семье со строгими правилами. Антонина Ивановна (мама) в целях воспитания скромности внушала девушке, будто она очень некрасивая, хотя на самом деле на неё порой оглядывались случайные прохожие.

В своем рассказе Светлана Игоревна вспоминала, что Игорь Владимирович обратил внимание на Музу Михайловну, в – первых, потому, что она на любом заседании, просто в «обществе» умела внимательно слушать и всегда всё записывала. А он на конференции задавал умные вопросы и интересно выступал сам. А большие голубые глаза, длинные русые косы, лучезарная улыбка окончательно покорили сердце отца.

Новикова (в замужестве Ольгович-Жданенко) Мария Михайловна. Томск. 1929.

Сразу после конференции, узнав, что М.М.Новикова направлена в деревню Новосельцево, а в соседнем селе Нестерово нужен учитель, обратился в РайОНО с просьбой перевести его из Нарымской школы в Нестерово.

Уже в первых числах сентября он приехал в Новосельцево и предложил молодой учительнице устроить соцсоревнование с взаимопосещением уроков. Со слов Светланы Игоревны: «Хозяйка дома, у которой квартировала Муза Михайловна, всегда жалела молодого педагога. Она боялась, что он замерзнет по дороге или на него нападут волки». В апреле 1931 года они поженились. До 1933 года вместе работали в Новосельцевской школе (приложение 4). На протяжении шести лет совместной жизни, он был главным наставником для Музы Михайловны, обучая ее тонкостям педагогического мастерства.

Света с родителями 17 декабря 1936 года. Каргасок

10 марта 1932 года в семье появилась дочь Светлана, родившаяся в Парабельской больнице. Во время обхода главврача Дмитрия Дмитриевича Донского произошёл такой диалог между молодой мамой и доктором:

Он: - У вас муж ненормальный?

Она (испуганно): - Почему Дмитрий Дмитриевич?

Он: - Я ему говорю: «У Вас дочь!» - а он радуется! Я ему повторяю: - «У Вас дочь», а он опять радуется!» Игорь Владимирович, любясь дома своей крохой, говорил: «Пусть будет хоть какая внешне, по характеру, только...умная!» Светлана, которой мама

об этом рассказывала, когда они остались одни, очень старалась оправдать надежды самого дорогого для них человека: маме ни разу не приходилось проверять, как дочь готовится к урокам; школу она закончила с золотой медалью, дипломную работу защитила на 5, работала добросовестно.

Сейчас она является кандидатом филологических наук, доцентом ТГУ; и красивая, судя по фотографиям. Светлана Игоревна вспоминает: «В семье были теплые и нежные отношения, было принято называть друг друга уменьшительно ласкательными именами. Отец очень любил маму. Относились друг к другу бережно. Нам было хорошо вместе». Остались яркие детские воспоминания о том, что, когда у нее была высокая температура, папа носил ее на руках и обещал ей, что возьмет в школе лошадку и покатает ее. Светлана Игоревна не помнит ни одного случая, чтобы папа говорил с ней недовольным тоном, даже когда она спрыгнула с рамы велосипеда на полном ходу и они вместе упали, папа не ругался. Она не помнит никаких наказаний, назиданий. Он и маму научил этому. Ее ученики (мужская средняя школа), с которыми приходилось нелегко, всегда вспоминали как о чуде, что она за годы их учебы ни разу не повысила голоса ни на одного ученика.

портрет отца, нарисованный рукой мамы

однотомники классиков: А.С.Пушкина, М.Ю. Лермонтова, В. Шекспира, Н.А.Некрасова и детские - К.Чуковского и сказки.

Муза Михайловна неплохо рисовала. У Светланы Игоревны бережно хранится портрет отца в профиль, нарисованный рукой мамы. В доме была большая библиотека, в которую входили издания русских и зарубежных классиков, Большая Советская Энциклопедия, учебники, книги по эсперанто. После ареста и скоропалительного отъезда в Томск, когда нужно было взять самые необходимые в быту вещи, смогли увезти методическую литературу и

М.М. Ольгович с дочерью Светланой, 1936 год.

В семье любили слушать классическую музыку, которая в то время не часто звучала по радиоприемнику. Светлана Игоревна вспоминает: «Чаше по радио звучали частушки:

Завлекательные глазки

У телёнка вашего.

Завлекает ваш телёнок

Поросёнка нашего».

Родители, мечтающие о музыкальном образовании подрастающей девочки, которая, как и они, любила петь, ежемесячно откладывали из своих зарплат деньги на сберкнижку Игоря Владимировича, как главы семьи. За пять лет они накопили значительную по тем временам сумму 3000 рублей (В 1962г. это было 314 руб.12 коп). При аресте Игоря Владимировича эта книжка была конфискована как доказательство вины: можно было это оформить как факт финансовой «поддержки» извне или как факт накопления средств для вредительской деятельности».

А четырёхлетняя Света мечтала о будущих детках: «У меня будут мальчик и девочка, мальчик и девочка..., я буду октябрёнком, потом пионерка, потом комсомолкой...».

Когда в 1933 году была открыта первая школа- семилетка в селе Парабель, Игоря Владимировича, как наиболее образованного учителя, назначили заведующим. Он проработал в этой должности 1933-1934 учебный год. А в сентябре 1934 года его перевели в село Каргасок (приказ №46 от 23 июня 1934г.п.2. приказ №52 от 7 июля 1934 года по Каргасокскому Рай ОНО №5), так как там открыли школу с десятилетним образованием. Благодаря постоянному самообразованию, он мог преподавать любой школьный предмет и заменял заболевшего или уехавшего учителя-предметника. Не случайно, коллеги называли его «ходячая энциклопедия»: он всегда был в состоянии ответить на любой вопрос. На работе его ценили как квалифицированного, инициативного работника, хорошего методиста, честно относившегося к работе и дающего хорошие результаты по успеваемости учащихся, что подтверждает справка директора Каргасокской школы №1 от июля 1935 года (приложение №5). Чтобы повысить свою квалификацию, он становится студентом филологического факультета Томского Педагогического института.

Один из учеников Игоря Владимировича назвал его «человеком из коммунистического будущего». В архиве музея Каргасокской школы №1 хранится письмо выпускника 1939 года Пахряева Н.Е., в котором он с теплотой и уважением вспоминает о своем учителе. « Прекрасно преподавал литературу и историю (древнюю историю Руси, учебников по которой не было) в 8-м классе (жаль, что только в одном классе) Игорь Владимирович Ольгович - Жданенко! Много, что он говорил или иногда читал (по литературе), помнится до сих пор»

Арест.

*... Станцию, рельсы снегом заносит,
Красную стенку вагона...
Никто никого ни о чем не спросит,
Никому не нужно поклона.
Впереди – мутное поле,
Черные мотаются прутья.
Сто шагов нам осталось, не более,
До последнего перепутья
Мария Карамзина 1939г.*

18 августа 1937 года семья Ольгович с мамой Музы Михайловны и 8-летней сестрёнкой Вероникой, которых Игорь Владимирович и Муза Михайловна решили поселить вместе с собой, возвращались из очередного отпуска на пароходе в Каргасок. В пути Игорь Владимирович встретил на палубе одного из сельских учителей, который с удивлением спросил:

- Игорь Владимирович, куда вы едите?

- Возвращаюсь из отпуска. На работу в Каргасок. Коллега выразительно сказал:

- Вам нельзя туда ехать. Игорь Владимирович спокойно ответил:

- Я ни в чём не виноват ни перед кем! Об этом разговоре он, конечно, сказал жене.

Он знал, что всюду идут ночные аресты.

Ещё раньше, в 1933 году в г. Томске его тёща Антонина Ивановна и её восьмилетняя дочь Вероника остались без дома, хозяйства и имущества после ареста органами НКВД отчима Музы Михайловны поляка Владимира (Владислава) Ивановича Любецкого по ложному доносу. Их семья проживала на улице Пушкина, у Белого озера, в одноэтажном деревянном доме, на месте которого сейчас находится Дом Радио. Всё имущество и дом были конфискованы без суда и следствия, жена с дочерью поселились у дальних родственников. До окончания следствия В.И.Любецкий умер в тюремной больнице от брюшного тифа, поэтому семья не получила позже статус реабилитированных. Из рассказа Светланы Игоревны: «Если бы он не умер в 1934 году, то его обязательно «забрали» бы в 1937 году».

Конечно, Игорь Владимирович знал, даже больше, чем тот учитель, которому хотелось предостеречь товарища и тем самым спасти. Он также знал, что другого выхода у него нет. У его семьи нет иного дома, кроме двух комнат в учительском доме в Каргаске, рядом со школой, где они работали.

Итак, пароход причаливает к пристани. На ней огромная толпа народа. Она большая даже для взрослых, которые могли разглядеть встречающих родных или знакомых только с палубы парохода, сверху. Так, Муза Михайловна заметила мелькнувшую в толпе куда-то быстро исчезающую фигуру одного из работников РайОНО. Маленькая Светлана видела только много незнакомых людей, оживлённых,

спешащих к выходившим на берег пассажирам... С кем она шла, держась за руку, не помнит. Наверное, с бабушкой. По-видимому, родители с вещами шли быстро вперёд, а бабушка с детьми - на значительном расстоянии. Ведь пробираться сквозь большое количество народа с малышами – нелёгкое дело. Дома все оказались вместе уже без Игоря Владимировича. Потом, днём, Муза Михайловна уносила для передачи Игорю Владимировичу личные вещи и постельные принадлежности, но его уже не видела. Только позже, дома, Муза Михайловна осознала, что Игоря Владимировича «забрали», или «взяли», как тогда говорили, а промелькнувший в толпе служащий РайОНО указал работникам НКВД неизвестного им завуча школы Ольговича, уволенного по приказу № 128 от 25 августа 1937 года (т. е с момента окончания отпуска) «как врага народа» (приложение 6).

Светлана Игоревна вспоминает: «Когда в квартире производился обыск я с сестрой Вероникой, вероятно, была отправлена « в гости» в семью жителей Каргаска Добычиных, у которых были две дочери - близнецы, подружки Вероники (это была единственная семья, которая не побоялась с нами общаться, и жили они не рядом, а на другой улице).

Во время обыска, по рассказам старших (через несколько лет после ареста), было найдено и конфисковано ружье, которым премировали отца за хорошую работу, хотя он никогда на охоту не ходил, поскольку не был ни охотником, как некоторые местные старожилы, ни даже любителем. Помню ясно эпизод вечером этого дня. На улице уже было темно, я с мамой в комнате, а бабушки и Вероники нет. Вероятно, их и на кухне не было, потому что Вероника и бабушка это событие не помнят. На столе – зажжённая керосиновая лампа (другого освещения тогда и в городе не было). Вдруг открывается дверь из кухни, и входят сразу несколько взрослых девочек, человек 6-7. Как только они вошли в комнату, все они зарыдали. Они не могли произнести ни слова. Стояли и плакали навзрыд.

А моя двадцатисемилетняя мамуля, к ногам которой прижалась я, пятилетняя девочка, твёрдым, спокойным голосом убеждала своих учениц: « Это ошибка. Игорь Владимирович обязательно вернётся! Всё будет хорошо!..» Известно, что дети, в присутствии которых кто-то громко плачет, обычно начинают вторить и плачут ещё горше. А я не заплакала: столько было в голосе мамы спокойствия, уверенности и силы духа, что меня это убедило. Как девочки уходили и говорили они что-нибудь, я не запомнила. Но через несколько лет, когда мама делилась уже со мной свои горем и вспоминала (без слёз, но с любовью и верой в то, что он действительно вернётся!) об этом вечере, она сказала: «Знаешь, ведь эти девочки рисковали больше, чем учителя, которые побоялись к нам даже зайти. Ведь все они были из семей спецпереселенцев!»

После увольнения мамы с работы (приказ 128 п.2 по Каргасокскому РайОНО от 25 августа 1937 года (приложение 6) как жены врага народа и выселения из квартиры, никто из ее коллег не пришел оказать нам поддержку, так как папа был уволен с работы «как враг народа, арестованный органами НКВД, (приказ 128 п.1 по Каргасокскому РайОНО от 25 августа 1937 года» (приложение 6). Каждый в то время опасался за жизнь своей семьи, за служебную квартиру. Помогла, по-видимому, только семья Добычиных, да, может быть, кто-нибудь, не связанных со школой. Маме с бабушкой было очень тяжело: в связи с переездом Антонины Ивановны с младшей дочерью и связанными с

этим расходами, у них не было средств ни для обратной поездки, ни для жизни на новом месте. Помогло лишь то, что удалось продать корову с телёнком за полцены, да кое-что из мебели и других вещей. На сборы было отпущено всего несколько дней (с момента увольнения Музы Михайловны, то есть с 25 августа, квартира должна была быть освобождена). Все эти дни «выпали» из моей памяти так же, как и обратная дорога на пароходе... «Квартиру» в Томске, если можно так назвать угол в кухне, равный в длину размеру русской печи. От стены до печной трубы на веревочке висела ситцевая занавеска, закрывающая этот угол, где поместилась кровать и бабушкин деревянный сундук со всеми нашими вещами. На кровати спали втроем: мама, Вероника и я, а бабушка, по-видимому, либо на сундуке, либо на печи.

На работу маму нигде не принимали. Ни на какую должность, даже уборщицей, за связь семейную с врагами народа.

Пока не закончилась навигация на реках Оби и Томи, мама вместе с женой учителя Нарымской школы М, В, Успенского добилась разрешения на свидание с мужьями, которые в то время находились в г. Колпашево. Я осталась в городе Томске с бабушкой и Вероникой (она уже училась во-втором классе). Мама знала, что папа меня очень любил, и ей самой было, тяжело вспоминать, что ему не позволили там, на пристани Каргаска, не только проститься со мной, но даже увидеть. Однако она знала и то, что жен, решившихся добиться встреч с арестованными мужьями, нередко тоже «забирают», а детей отдают в детские дома и даже меняют им фамилии.

Об этой поездке мамуля рассказывала мне несколько лет спустя.

На свидание было дано пять минут, оно проходило в присутствии следователя, то есть ничего сугубо «личного», а тем более «лишнего» нельзя было произнести.

Первые слова вводимого в комнату Игоря Владимировича, были:

- А Светочка? Где она?

- Она в Томске, - ответила Муза Михайловна, не имея возможности объяснить, почему. А он об этом чудовищном указе («социально опасные дети «изменников родины» направлялись в исправительные трудовые колонии (в возрасте свыше 15 лет) и детские дома (до 15-летнего возраста). Грудные дети отправлялись вместе с матерями в лагеря до окончания вскармливания, а затем передавались в детские дома» (№ 1, стр. 30), увы, не мог знать. Единственное, что она могла ему сказать: «Мы всегда будем в Томске. Мы будем тебя ждать». А он, вероятно, уже понял, что он никогда не вернется, потому что подписал свой приговор. Это я осознала, когда, знакомясь в 1992 году с его «Делом»..., увидела на каждой страничке протокола 2-го допроса (на первом он все нелепости, в которых его обвиняли, отвергал ...) под чудовищно безграмотными и трафаретными «признаниями» вины его собственную подпись.

Они разрешили свидание «с женой и дочерью!» ценой этой подписи, за которой последовал приговор: ВМН (высшая мера наказания). Поэтому, когда я получила подлинное свидетельство о его смерти (тоже в 1992 году), когда я воспользовалась правом родных знакомиться с делом и увидела там, на клочке бумажки «Приговор приведен к

исполнению 4-5 ноября 1937 года», а следователь, присутствующем при этом моем «знакомстве», объяснил, что 4-5 потому, что в честь праздничного (7 ноября) рапорта, они накануне так много расстреляли, что не помнили – когда кого. Я не стала рассказывать своей неизлечимо больной мамочке, - и она так и ушла из жизни, не узнав, где, когда и как покинул этот мир самый главный Человек, ее друг, ее опора, ее луч света...

В эти заветные пять минут, когда не только поговорить – и обнять друг друга нельзя, Игорь Владимирович обратился с просьбой к стражу порядка: разрешить ему написать доверенность на получение денег с его сберкнижки, поскольку в семье есть только книжка на его имя. Ему дали бумагу, ручку, чернила, а он от волнения что-то написал не так, пришлось переписывать... Но доверенность он передал жене из рук в руки. Когда же его увели, свидетель свидания сказал женщине:

- Я, конечно, знаю, что книжки у вас нет, но зачем, же его расстраивать?..

Мамуля не говорила, что ему ответила. Может, кивнула, может быть, даже поблагодарила...

В обратный путь пришлось ехать третьим классом (в трюме). Только перед самым отправлением оказалось, что билеты туда не должны были продавать: именно на этом пароходе, в трюме должны были везти заключенных из Колпашевской тюрьмы в Томск. Так как высадить «свободных пассажиров» не было времени, их разместили в разных отсеках трюма. Туалет оказался на «половине» вольных. Там же был бак с кипятком.

В этих условиях судьба подарила моим родителям последнюю встречу. Мама увидела папу, когда конвойный сопровождал его в туалет... Трудно даже представить, что творилось в их душах в этот миг. Путь его шел мимо бочка с кипятком. И когда через некоторое время они появились еще раз, мама была уже ближе, с кружкой, якобы за кипятком. «Хочется спросить, о чем они думали? Они прощались. Хотя мама долгие, трудные годы ждала и верила,... Верила в эту коварную иезуитскую формулу «10 лет без права переписки».

Когда мама вернулась в Томск, она пыталась еще хотя бы раз встретиться с Игорем Владимировичем. Вместе со мной. Чтобы он меня увидел. Она знала, что заключенных содержат в помещениях городской тюрьмы, стоящей на перекрестке дорог Иркутский тракт – Каштак, а следствия ведут в бывшем Кухтеренском доме (сейчас там, напротив мэрии, музей «Следственная тюрьма НКВД»). Из одной тюрьмы в другую их водили, («гоняли») по ночам. Поэтому она одевала меня потеплее и мы вдвоем «гуляли ночью по городу по маршруту «Площадь Революции» – выезд на Каштак... Встречи не получилось. Как-то, когда я училась уже в старших классах, она пыталась напомнить мне, как она, боясь, как бы меня не забрали в детдом, учила меня, как меня зовут и как моя фамилия. И я с ужасом обнаружила, что эти холодные осенние ночи на темных томских улицах я помню, а заучивание фамилии, имени, отчества – не помню. Значит, если бы..., я бы могла стать чьей-нибудь чужой девочкой... Несмотря на то, что уже в три года я на вопросы «любопытных» взрослых смешно отвечала «Огович» (Ольгович, хотя, как помнили, мама и бабушка я говорила довольно чисто, не картавила...).

Реабилитация.

«Мы будем тебя ждать»... Они, жена и дочь, ждали много лет, 10, 15, 20.... Ждали, потому что не знали, что объявленный родственникам приговор – «10 лет без права переписки» - означал высшую меру наказания. Странно то, что все, что «объяснялось», было пронизано отвратительной ложью, а люди верили, надеялись, как сказали бы в XIX веке, «уповали». Только один пример такой ужасающей лжи.

1956 год. Разоблачение «культа личности»... Названы главные персонажи. Объявлена амнистия. Но кому? Уголовникам. Родным погибших на следствиях, на путях к местам каторги и ссылки, в тюрьмах ничего не сообщается. «Терпеньем, изумляющим народ», как много веков назад, «безмолвствует» и ждет. Но в один будничней, осенний день М.М. Ольгович, уже получившая высокое звание Заслуженного учителя школы РСФСР, решает все-таки пойти в Управление КГБ (так стало называться бывшее НКВД), чтобы узнать о судьбе невинно пострадавшего мужа. Она надеется получить там документ о его реабилитации. Чиновник, к которому ее направили, вместо ответа на ее вопросы стал допрашивать ее. Среди этих вопросов был и такой: «Почему у вашего мужа было две фамилии?!» Он никогда, оказывается, не слышал и не читал книг, ни статей о В.И. Немировиче-Данченко, ни о М.Е. Салтыкове-Щедрине и уж тем более Т.Л. Щепкиной – Куперник или Н.Г. Гарина – Михайловского... Он не принял у нее заявление, ни словом не обмолвился о том, что все невинно вычеркнутые из жизни уже реабилитированы и оформить документ об этом – простая формальность. Надо ли говорить о том, что Муза Михайловна еле добрела до дома и слегла (у нее уже была в то время гипертоническая болезнь). К сожалению, 1958 год был не годом «оттепели», а годом реакции ВКП(б) на это самое хрущевское разоблачение культа личности. В Томском госуниверситете исключили из кандидатов в члены КПСС одного из лучших лекторов международников – историка Н.С. Черкасова (отец его был расстрелян в 1937 году), уволили из ТГУ выпускника ТГУ, зам. секретаря комитета ВЛКСМ ТГУ по идеологии Е.М. Дуна за организацию и проведение комсомольского диспута «Как ты понимаешь роль и место комсомола в твоей жизни?», в Томском пединституте осудили на 10 лет молодого преподавателя основ марксизма – ленинизма Юдина, якобы за антисоветскую деятельность... Зная это, Светлана Игоревна сказала маме: «Никуда, ни за какими документами о реабилитации обращаться не нужно. Достаточно того, что мы сами знаем, что он ни в чем не виноват».

Только через три года Светлана Игоревна Ольгович написала Верховному прокурору РСФСР заявление с просьбой все документы по делу И.В. Ольгович – Жданенко присылать на ее имя.

9 декабря 1961 года была получена справка о реабилитации И.В. Ольгович – Жданенко, в которой значилось, что дело было пересмотрено военным трибуналом еще 27 мая 1958 года, то есть до того как Муза Михайловна обращалась в органы КГБ.

29 декабря того же года пришло свидетельство о смерти, где было указано, что И.В. Ольгович – Жданенко умер 28 сентября 1944 года в местах заключения (место не названо). Причина смерти – воспаление легких. Муза Михайловна почему-то отнеслась к этим сведениям с сомнением. Она оказалась права: когда 1992 году дочь узнала, что родным разрешено знакомиться с делами погибших, и воспользовалась этим правом, в Деле обнаружился тот самый клочок бумажки, где было написано: «Приговор приведен в исполнение 4-5 ноября 1937 года». А местом упокоения оказался Томский Каштак, где стоит теперь Поклонный Крест.

Выдали в 1992 году и подлинное свидетельство о смерти, где причина – расстрел, а дата одна: 4 ноября 1937 года. Только Светлана Игоревна отмечает обе: и 4-е, и 5-е...

Когда родственники погибших стали встречаться у Камня Скорби и в «Музее...», выяснилось, что у всех осужденных на «10-ть лет без права переписки» по два свидетельства о смерти, только в первом, фальшивом, разные причины (аппендицит, сердечная недостаточность и т.д.) и разные даты. Только ложь (№3, стр. 15).

одна. Такая же ложь – миф о «Польской организации войсковой»: по словам следователя, который знакомил Светлану Игоревну с Делом..., этой организации в Сибири никогда не было. Она существовала лишь в Западной Украине.

Вместе с отцом по делу проходило 11 человек. Большинство арестованных обвинялось в том, что они являются участниками националистической контрреволюционно - диверсионной повстанческой организации под названием «Польская организация войсковая». (« ... созданной по заданию 2-го отдела главного штаба, которая вела активную подготовку к вооруженному выступлению против Советской власти, намереваясь поднять вооруженное восстание в момент нападения на Советский Союз со стороны фашистских стран... Наряду с активной подготовкой к вооруженному восстанию, участники «ПОВ» на территории Нарымского округа занимались шпионско – диверсионной деятельностью, систематически собирали сведения шпионского характера» (приложение 7) . Участники «ПОВ» обвинялись по статье 58 УК РСФСР» (приложение 8). Все дела были «липовые», сфабрикованные работниками НКВД. Из протокола допроса от 27 марта 1957 года оперуполномоченного Нарымского НКВД Филипповича С.Ф.: « Показания арестованных фиксировались в протоколах, как правило, не со слов обвиняемых, а следователем таким образом, чтобы не было противоречий, в показаниях обвиняемых, причем, фиксировались признательные показания о той или иной деятельности» (приложение 9). Подобные организации были «обезврежены» во многих районах, как Западносибирского края, так и Беларуси. У всех арестованных по делу при обыске было найдено оружие. От каждого требовали признаться в совершении какого-нибудь вредительства или диверсии. Тем, кто пограмотнее, пришивалась контрреволюционная пропаганда, подрыв авторитета Советской власти и колхозного строя, руководство террором.

Сейчас в подвальном помещении здания по пр. Ленина, 44 находится музей, в котором с 1923 по 1944 годы находилась внутренняя тюрьма Томского городского отдела ОГПУ–НКВД. Территория, прилегающая к зданию, служила внутренним двором тюрьмы, где в настоящее время расположен Сквер Памяти. В 1992 – 2004 гг. здесь были установлены памятники жертвам политических репрессий на Земле Томской. Стены подвала, где расположен музей, «помнят» многое и многих. Тем, кто не боится Памяти, я рекомендую этот музей посетить.

Игорь Владимирович Ольгович – Жданенко реабилитирован в мае 1958 г.

Мемориальный музей "Следственная тюрьма НКВД". Город Томск.

Заключение.

Работая над проектом, я познакомилась с реальными событиями, происходившими в 30-е годы XX века на территории Нарымского края. Используя исторические документы, литературу, благодаря воспоминаниям Светланы Игоревны Ольгович, мне удалось восстановить период жизни Игоря Владимировича с 1926 по 1937 год. К сожалению, я так и не узнала о его жизни до перехода границы. Удалось дополнить и соединить разрозненные сведения биографии Игоря Владимировича Ольговича – Жданенко и его семьи. Изучая литературу и источники по теме массовых репрессий на территории Нарымского края, меня заинтересовал вопрос: «А мог ли Игорь Владимирович избежать репрессии?»

Теперь я знаю, что «37 год – это гигантский масштаб репрессий, охвативший все регионы и все без исключения слои общества, от высшего руководства страны до бесконечно далеких от политики крестьян и рабочих. В течение 1937-1938 гг. по политическим обвинениям было арестовано 1,7 млн. человек. А вместе с жертвами депортаций и осужденными «социально вредными элементами» число репрессированных переваливает за два миллиона... Более 700тысяч арестованных были казнены» (№3, стр.12). « По имеющимся данным. Из 18822 человек репрессированных в разные годы в Томске, в 1937-1938 гг. было арестовано 12727 человек, из них расстреляно 10027 человек» (№ 1, стр. 30, №3, стр. 31-41). В фальсифицированных материалах следствий было выделено около ста организаций, многие из которых репрессированы по национальному составу. Дело на "Польскую организацию войсковую" - одно из самых массовых после "Российского общевойскового союза" и "Союза спасения России". Оно же, вдобавок, яркий пример арестов по национальному признаку. Филиалы организации "раскрывались" органами НКВД в абсолютном большинстве не только в центральных районах страны, но и в Западносибирском крае, Восточной Сибири, на Урале.

Сложностей не испытывали - процент проживающих там поляков и белорусов (они в первую очередь включались в "расстрельные списки") был достаточно высок, сказалось их переселение в Сибирь в конце прошлого и начале нынешнего столетия (русских – 13977 человек, поляков – 1514 человек, украинцев 1145 человек). Представители более 50 народов и национальностей бывшего Союза ССР были репрессированы на территории нашей области. Из мужчин был расстрелян каждый второй – 10445 человек. Это намного больше, чем где-либо в Советском Союзе. Возможности избежать репрессий у Игоря Владимировича практически не было. Его могли арестовать:

- Как перебежчика из другой страны;
- Как участника «ПОВ»;
- По линейному расстрелу, при отсутствии каких либо – материалов, подтверждающих его преступную деятельность против Советского государства, а арест производился по национальному признаку (№9, стр.436).

Так как Игорь Владимирович и Муза Михайловна преподавали в нашей школе, то мой материал пополнит архив школьного краеведческого музея. К списку учительских династий нашей школы добавилась еще одна династия - Ольгович – Жданенко. Мне хочется верить, что мой проект – маленькая частичка восстановленной памяти большого проекта «Прощение и память» на Каргасокской земле.

Работа над этим проектом помогла мне закрепить навыки работы с историческими источниками.

У меня появилось желание познакомить на уроке истории или классном часе своих одноклассников с материалами моего проекта.

Изучая данную тему, я решила узнать у мамы, есть ли в нашей семье репрессированные. Оказалось, что никто из моих близких не был арестован. Однажды вечером к маме зашла подруга Мелак - Оглы Елена Петровна и стала изучать книги, которые подарила мне Светлана Игоревна. Среди фамилий репрессированных она обнаружила имя своего деда по матери – Фогеля Генриха Генриховича, которого считали безвести пропавшим. Так работа над моим проектом помогла еще одному человеку узнать правду о судьбе своего близкого.

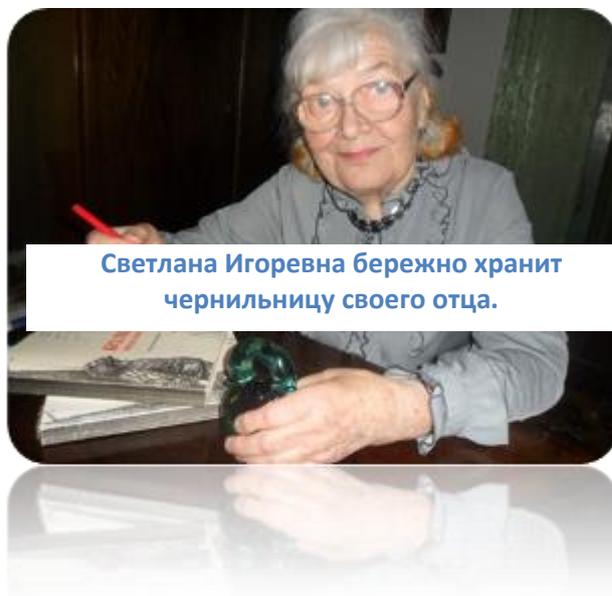
Игорь Владимирович Ольгович - Жданенко « не успел сделать первого выпуска в своей, так любимой им, Каргасокской средней школе №1. Они вышли из нее, 10 десятиклассников предвоенной поры, в июне 1938 года, через семь месяцев после его гибели. Шесть из них стали учителями, достойными продолжателями его дела. И из тех, кто учился при нем в 8-м, 7-м, 6-м, 5-м классах, многие тоже посвятили свою жизнь школе». Мария (Муза) Михайловна приказе Министерства 1958 году получила звание «Заслуженный учитель школы РСФСР». Светлана Игоревна более сорока лет преподавала в вузах города Томска (ТГУ и ТГПИ), активно работала в обществе «Знание», с 2000-2004 гг. принимала участие в «Беседах о русском языке» на Томском радио.

В 1999 году Светлана Игоревна ушла на пенсию. Но, видимо, преподаватель и филолог – это двойное ее призвание. Или, точнее - судьба. В печать вышли три части пособия «Этимология и орфография».

Игорь Владимирович, « прожив всего 29 лет, выполнил завет поэта:

- Учитель, воспитай ученика,

Чтоб было у кого потом учиться...»
(№14. стр.20).

Светлана Игоревна бережно хранит чернильницу своего отца.